

КАТЕГОРИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПАМЯТИ В ФИЛОСОФСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

А.В.Трофименко

(преподаватель, Измаильский государственный гуманитарный университет)

Автор статті для використання результатів теоретичних праць при аналізі художніх текстів пропонує історико-філософський огляд категорії пам'яті, починаючи з часів античності до сучасних студій.

The present article seeks to highlight mainstreams in the theoretical aspects of the category of memory from philosophical backgrounds up to modern time (including different views on that problem), that can lead to a deeper understanding of the significance that memory might have for the creator of literary art.

Изучение феномена категории памяти в литературоведении ориентирует не только на исследование непосредственной роли влияния текстов и художественных направлений на то или иное произведение, но предполагает также осмысление целого ряда философско-эстетических составляющих, которые ведут к многогранному постижению содержательных элементов этой категории.

В статье делается попытка представить основные направления в теоретическом изучении категории памяти от истоков философских обоснований времен Платона и Аристотеля до современных разработок. Актуальность заявленной темы заключается в исследовании разнообразных взглядов на категорию памяти, что в конечном итоге приведет к более глубокому пониманию ее значения при анализе художественных текстов.

Пути изучения теории памяти в рамках данного исследования можно проследить в виде хронологической последовательности: «анамнезис» школы Платона, учение о «мнемоневме» Аристотеля, «воспоминание» в неоплатонических концепциях Ямвлиха и Плотина, «тени идей» Дж. Бруно, «искусство сохранения» Ф. Бэкона, *tabula rasa* и эмпиризм Дж. Локка, теория о врожденных идеях Р. Декарта, проблема недостоверности памяти у Б. Спинозы, «память монады» Г. Лейбница, концепция Дж. Вико о возвращении вещей при возвращении наций, «систематизированная коллекция впечатлений» Д. Дидро, идеи памяти Д. Юма, «ассоцианизм» Т. Гоббса, трансцендентальная память И. Канта, «воспоминания» абсолютного духа в философии Г. Гегеля, теория «вечного возвращения» Ф. Ницше, интуитивизм «материи и памяти» А. Бергсона, «память поколений» З. Фрейда, учение о «мнеме» Р.Земона, «переадаптация психеи» Дж. Сантаяны, «ожидание забвения» М. Бланшо, «символическая реконструкция» П.Жане, «различие и повторение» Ж. Делеза, «память как символическая интериоризация сознания Ж. Дерриды». (Подробнее см.: 1).

Основания для разработки вопроса о категории памяти были заложены еще в эпоху античности. Проблема взаимоотношения памяти и сознания обнаруживает связь с философской традицией Логоса. Так, Гераклит, рассматривая Логос в качестве «незыблемого основания в отношении человеческого и мирового бытия», говорит о «всеобщей памяти об Истине», разделяя понятия «мудрость и многознание», которое «уму не научает» (2, 69).

В данной статье не представляется возможным осветить все существующие теории, концепции и философские выкладки, имеющие отношение к изучению проблемы категории памяти. Учитывая ее универсальный характер, мы представляем историко-философский обзор теории памяти, который, на наш взгляд, позволит наметить пути применения этой категории в литературоведении.

В древнегреческом языке существовало два понятия – *mneme* и *anamnesis* – для обозначения, с одной стороны, воспоминания, рождающегося пассивно, так что его появление в голове можно характеризовать как чувство – *pathos* и, с другой стороны, – воспоминания как объекта поиска, обычно называемого припоминанием. Воспоминание, которое то находят, то снова ищут, пребывает, таким образом, в точке пересечения семантики и прагматики. Вспоминать – значит иметь воспоминание или приступать к поиску воспоминания. Античная культура завещала человечеству два соперничающих друг с другом философских учения: платоновское и аристотелевское. Первое говорит о представлении в настоящем отсутствующей вещи – охвате памятью воображения; второе выступает за включение содержательно аспекта образа в содержательное начало воспоминания.

Концепция памяти Платона – «анамнезис», заключается, прежде всего, в способности индивида творчески помнить и, на этой основе, мыслить и рассуждать, что и отличает человека от других существ, по мнению философа. Он сравнивает жизнь человека без памяти, (когда отсутствует воспоминание о некогда испытанном удовольствии), с жизнью моллюска, тело которого закрыто в раковине. Согласно

учению Платона, освобождение памяти от забвения происходит при максимальной актуализации различных знаков-символов, которые активизируют созерцательную память, когда душа, «утратив память об ощущении или знании, снова вызовет ее к самой себе» (3, 19).

Считая память, – причастную миру божественных идей, – составляющей человеческого бытия, Платон отождествляет ее с сознанием в акте понимания, когда индивидуальная душа вступает в мир идей, обретая, таким образом, прозрение, пробуждение.

Согласно же концепции Аристотеля, «память присуща и человеку, и животным, воспоминание же – только человеку» (4, 50). Оно (воспоминание) представляет собой своеобразное «отыскивание» образов и присуще только тем, кто способен размышлять, «ибо тот, кто вспоминает, делает вывод, что прежде уже видел, слышал или испытал нечто в таком же роде» (4, 148).

Понятие памяти у Аристотеля определяется как «собрание мыслительных образов и чувственных впечатлений» (5, 153) с добавлением элемента времени. Проводя аналогии между памятью и физиологическими законами человеческого организма, Аристотель утверждает, что память выводима из реального жизненного опыта человека: «Часто бывает, что человек не может припомнить что-либо сразу, но, поискав, находит желаемое. Это происходит, когда человек поддается множеству порывов, пока не наткнется на тот, который приведет его к искомой цели» (4, 433-435). Концепция памяти Аристотеля оказала влияние на философские воззрения Т. Риды, А.Бергсона, В.Дильтея, Э.Гуссерля, М.Хайдеггера, П.Рикёра.

Еще один аспект проблемы раскрывается в рамках основных направлений средневековой философии: номиналистов и реалистов, которые в споре об универсалиях стояли на разных позициях. Эти направления приводят к разной трактовке памяти и сознания: в одном случае, находят в ней всецело выход в феноменологию, в другом, утверждают трансцендентальную реальность, интуитивно опознаваемую в определенном переживании.

Для философии Нового времени характерно восприятие разума в качестве источника истинного знания, отказ от предметного понимания. Одна из наиболее интересных концепций памяти Нового времени была представлена Френсисом Бэконом в работе «Великое возрождение» (1620). По его мнению, основным вспомогательным средством памяти является письменность. Без такой помощи память не может справиться с достаточно обширным и сложным материалом. Искусство памяти, в интерпретации Бэкона, опирается на два понятия – «предварительное знание» и «эмблемы» (6, 344). Предварительным знанием он называл своего рода ограничение бесконечности исследования. Согласно теории Бэкона, попытки вызвать в сознании что-то, не обладая при этом никакими представлениями, требуют огромного труда. При таких условиях сознание не может найти правильное направление исследования, блуждая в бесконечном пространстве. Сущность же «эмблем» заключается в попытке «освободить пространство разума, с целью получения желаемого» (6, 345). Память в этом случае выступает в качестве «хранилища» для получения результата, обретая при этом связь с миром.

Представители английского эмпиризма (Т. Гоббс, Дж. Локк) уделяли внимание феномену памяти в связи с обсуждением проблемы опыта и критикой учения о врожденных идеях. Память, по Локку, есть как бы «кладовая идей» (7, 566), реализующая способность ума восстанавливать однажды бывшие в ней восприятия путем присоединения к ним добавочных восприятий, которые память имела раньше.

Наметившийся в XIX в. интерес к теории коллективного сознания неминуемо приводит к исследованиям в области памяти. В этот период понятие памяти включает нравственный аспект, определяющий содержание общественного и художественного сознания. Память, как и забывание, становится ключевым показателем нравственных качеств – личных, семейных, социальных, гражданских. При этом категория памяти располагает специфическим нравственно-ценностным измерением, осмысление которого представляется актуальным как для философско-этической теории, так и для литературоведения. В этом случае память выступает в качестве рефлексивного процесса созидания события, относящегося к прошлому, но получающего ценностно-смысловую оценку в настоящем. Действительно, воспоминания индивида не являются всего лишь механическим суммированием прошлого, они одновременно обладают свойством эмоционального и интеллектуального толкования прошлого, выступающего в качестве оценки воспоминаний личностью.

Интеллектуальная традиция осмысления и описания феномена памяти, существовавшая в европейской культуре еще с античности, в XX веке получает новое развитие, меняются способы ее изучения, интенсивно формируется дискурс памяти.

Одной из самых фундаментальных философских работ этого периода является исследование Анри Бергсона «Материя и память. Очерк взаимосвязи тела и духа» (1911), где память рассматривается в ряду таких категорий, как длительность, свобода, интуиция.

Бергсон выделяет две формы памяти, первую из которых он определяет как память, естественную

для жизни, основанную на повторяемости, – память-привычку тела, связанную с деятельностью мозга, или «скорее, привычку, освященную памятью, чем память», которая «разыгрывает наш прошлый опыт, но не вызывает его образа» (8, 493).

Вторая память выступает как отвлечение от настоящего, она носит характер грез, мечтаний, эта память воображает. Все события жизни всплывают как образы-воспоминания. Эту память Бергсон и называет собственно памятью: удерживая и располагая одно за другим события жизни индивида, память двигается в окончательном прошлом, а не как «первая в непрестанно зачинающемся настоящем» (8, 565).

Особое понимание времени, его незавершимая текучесть, длительность, трактовка жизни как «творческого усилия» и творчества как «жизненного порыва» занимают в философии Бергсона центральное место, и именно эти аспекты оказали существенное влияние на организацию повествования произведений XX столетия. Память, трансформируясь, схватывает прошлую жизнь человека в ее тотальности, восприятие жизни выступает как процесс постоянного выбора и отбора, укорененного в его настоящем, сегодняшнем бытии. По замечанию Стародубцевой Л.В., в работе Бергсона «Материя и память» объединились в одно целое психология, метафизика памяти и феноменология (1).

Интересной представляется работа современного исследователя Эварда Кейси «Воспоминание» (2004), в которой автор, описывая мнемонические явления, говорит об оппозиции в них двух пластов, один из которых он называет *Keeping memory in Mind* (*Хранение памяти в сознании*), другой – *Pursuing memory beyond Mind* (*Память вне сознания*). Между ними помещаются мнемонические модусы: *Reminding, Reminiscing, Recognizing* (*Напоминание, воспоминание, узнавание*). В его теории речь идет о способах оживления прошлого путем вызывания в памяти образов, так называемых – *следов*, когда один из них помогает другому «воскресить в памяти отдельные события или знания и воспоминание об одном из них служит напоминанием о другом. Согласно тактике изложения теории мнемонических модусов, рефлексивность в полной мере участвует в усилии по воспоминанию: «она подчеркивается чувством затрудненности, связанным с усилием» (9, 591-613).

Поль Рикер в работе «Память. История. Забвение» (2004) анализирует проблемы истории со свойственными человеческой субъективности явлениями памяти и забвения. С позиций феноменологической герменевтики, автор, определяя актуальность темы памяти в философии и герменевтике XX века, отмечает, что повествование позволяет установить связь с опытом времени, «поскольку рассказ разворачивается во времени и повествует о событиях, происходящих во времени, о персонажах, живущих во времени» (2, 66).

Помимо корреляции времени и повествования, Рикер исследует соотношение личной памяти, коллективной памяти и истории как научной дисциплины, опирающейся на анализ конкретных фактов и материалов. В оппозиции время / повествование он определяет опосредующее звено – память. С одной стороны, память – это хранительница времени: мы уверены в том, что нечто произошло до того, как мы об этом рассказываем, именно потому, что мы об этом вспоминаем. С другой стороны, память нуждается в языке как в средстве выражения, т.е. в повествовании. Следовательно, память выполняет функцию свидетельства о событиях прошлого, а повествование позволяет структурировать память. И тут прослеживается связь между воспоминанием, выступающим в сознании в качестве образа, и вспоминающим субъектом. Потому что, говорит автор, – «вспоминать что-либо означает одновременно вспоминать самого себя» (2, 67).

Рассуждая о памяти, Рикер вводит понятие памяти телесной, которая может быть «задействована», как и другие привычки, например, привычка водить машину. Телесная память, согласно Рикеру, состоит из чувственных воспоминаний, по-разному удаленных во времени: величина истекшего промежутка времени может быть прочувствована в виде сожаления, ностальгии. В качестве иллюстрации концепции телесной памяти Рикер приводит момент пробуждения, описанный Марселем Прустом в начале романа «В поисках утраченного времени», когда герой романа, проснувшись, долго не может понять, где он находится, и тогда «память боков, колен, плеч показывала ему (телу – А. Т.) комнату за комнатой, где ему приходилось спать. И прежде чем сознание, сопоставив обстоятельства, узнавало обиталище, тело припоминало, какая в том помещении кровать <...>, а заодно и те мысли, с которыми я и заснул и проснулся» (11, 10-11). Сцена пробуждения у Пруста особенно показательна, по мнению Рикера, с точки зрения «возвращения вещей и существ на места, отведенные им бодрствованием в пространстве и времени» (2, 67). В данном случае момент воспоминания является моментом узнавания. Последнее, в свою очередь, может пройти все уровни – «от неявного припоминания до декларативной памяти» (2, 68), готовой к новому повествованию.

Основные труды о категории памяти, написанные в XX столетии А. Бергсоном, П. Жане, А. Леонтьевым, Ф. Бартлеттом, П. Блонским, носят отчетливо выраженный философский характер,

закладывая в то же время основу литературоведческого подхода к проблеме.

Исследование этических и эстетических аспектов категории памяти и становится предметом системного учения о памяти в литературе. Когда мы говорим о художественном творчестве, отмечает П. Флоренский, нас заботит не столько накопление информации о реальности, сколько трансформирование этой реальности воображением человека в потенциально творческом союзе с культурной памятью. Отсюда чрезвычайно важной для понимания природы художественного творчества является связь памяти и воображения, обозначенная Аристотелем. Указывая на преобразующую роль памяти, Флоренский, для которого «память есть деятельность мыслительного усвоения, т.е. творческое воссоздание из представлений того, что открывается мистическим опытом в Вечности» (11, 208-211), причисляет художественное творчество к памяти будущего, тем самым, наделяя художника способностью прозрения и памятью Всебытия.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что в памяти, как в мыслительном процессе, события прошлого возникают в сознании благодаря существующим в нем связям, ассоциирующим предметы и явления не только с формой, но и с запахом, звуком, цветом и т.д.

Поскольку язык играет важную роль в формировании и образовании различных пластов памяти, особое значение приобретает слово как возможность для более полного и многомерного процесса запоминания. Поэтому именно повествование становится ключом к воспроизведению, осознанию и переосмыслению фактически пережитого опыта индивида.

В литературном произведении мысли и образы обретают жизнь при помощи художественного слова, выпестованного ресурсами памяти. Воспоминание по существу оказывается интерпретацией, каждое изображенное воспоминание – реинтерпретацией. И в том, что память предпочитает трансформировать, а не копировать, проявляется ее сходство с искусством. В искусстве же нравственное неотделимо от эстетического, на что неоднократно указывал академик Д.С. Лихачёв: «Память о прошлом – «светла», поэтична, она воспитывает эстетически» (12, 268). Ученый говорит об истории культуры как «истории человеческой памяти, истории развития памяти, ее углубления и совершенствования» (12, 268). Признавая за памятью способность преодоления времени, Лихачев подчеркивает нравственное значение памяти, которое заключается в том, что благодаря ей прошедшее входит в настоящее, а будущее предугадывается настоящим, соединённым с прошедшим.

Подобный подход, антропоцентричный по своей сути, актуализирует аксиологический аспект исследования места и роли памяти в духовно-практическом освоении мира личностью. Особенность поэтики литературного творчества состоит в применении различных способов письма с целью максимального освоения мемориального пространства и достижения абсолютной самоидентификации путем синтеза *Я – память – искусство*. Категория памяти становится интегральной основой всего творческого процесса, что, в конечном итоге, приводит к осознанию и обоснованию модуса памяти как онтологической, эпистемологической и аксиологической основы жизни и творчества.

На сегодняшний день заявленное Пьером Жане в работе «L'evolution de la memoire et de la notion du temps» (1928) положение о том, что истинно человеческая память – это память-повествование, средство овладения субъектом своим собственным внутренним миром, структурно оформленным в речи, находит отражение в современном направлении изучения категории памяти. Невозможно отделить творчество от простой мечтательности, потока сновидений, всплесков памяти, работы подсознания и т.п., – «именно художественное творчество носит на себе все следы величайшего напряжения, под влиянием которого простой ассоциативный или персеверационный поток образов культурной памяти превращается в планомерно конструируемый организм» (13). Память-повествование говорит о взаимосвязанности памяти культуры с художественным творчеством.

Так как повествование неразрывно связано с жизнью и характером писателя, обуславливающими его принадлежность к социальному, историческому и культурному контексту, то акт повествования приводит к сосредоточению в нем всех видов индивидуальной и коллективной памяти. Писатель, обращаясь к ресурсам своей индивидуальной памяти, в то же время использует и память коллективную, будучи ее частью. Следует отметить, что произведение литературы включает в себе единство внутренней и внешней жизни индивида, что приводит к постижению глобального смысла бытия в его вневременной сущности, а это достигается, в первую очередь, при помощи памяти. Играя важную роль в единении индивидуальных и коллективных воспоминаний, повествование представляет собой реконструкцию прошлого, основанную на событиях настоящего.

Категория памяти как основа мира писателей может проявляться на двух уровнях – дискурса и фабулы. На уровне дискурса она обнаруживается в органической интегральности и целостности художественного мира. На уровне фабулы память определяет концепцию жизни авторского героя, принципы его взаимоотношения с миром и памятью и специфику его деятельности: сотворение

жизненного мира, непосредственно-чувственное переживание феноменального потока жизни, раскрытие опыта существования героя, растворенного в ритме бытия и ощущающего «божественную бесцельность» и «бессмысленность» как высший смысл.

Понимание памяти как важнейшей формы национального самосознания, определяющей универсалии отечественной культуры, формирует теоретические подходы и методологические основы анализа художественного текста, позволяет рассматривать культурное наследие как сложную субъективно-объективную структуру, оперирующую такими глобальными философскими понятиями, как «традиция», «время», «вечность», «ценность», «символ», «культура».

Механизм работы памяти оказывается своего рода порождающей моделью, по аналогии с которой выстраиваются многие описания. Авторские стратегии и концепции запоминания / воспоминания выражаются языком художественных образов, объективируя многомерную картину мемориального мира. Материализация дискурсивной стратегии проявляется в трех основных формах: мемориальных топосах, памяти тела и меморативных знаках, эксплицирующих механизмы работы памяти и представляющих собой конкретно-образный эквивалент нарративного дискурса и авторскую модель памяти. (*Подробнее см.:* 14).

Исследование категории памяти как составляющей части сознания писателя-творца позволяет сделать вывод о том, что память, стирая границы между миром реальным и миром вымышленным, образует единое целое, где прошлое переплетается с настоящим и будущим, где теряет актуальность противостояние «там» и «здесь». При этом в качестве своеобразного связующего звена между этими мирами выступает творчество.

1. Стародубцева Л.В. Мнемозина и Лета. Память и забвение в истории культуры. – Харьков, 2003.
2. Рикер П. Память. История. Забвение. – М., 2004.
3. Платон, Филеб // Платон. Филеб. Государство. Тимей, Критий. – М., 1999.
4. Аристотель, О памяти и воспоминании // Йетс Ф.А. Искусство памяти. – СПб., 1997.
5. Аристотель, О душе. – М., 1937.
6. Бэкон Ф. Сочинения: В 2 т. – М., 1977–1978. – Т.1., 1977.
7. Локк Дж. Сочинения: В 3 т. – М., 1985–1988. – Т.1., 1985.
8. Бергсон А. Материя и память. – Мн., 1999.
9. Casey E. Remembering. A Phenomenological Study. – Bloomington/Indianapolis, Indiana University Press, 1987.
10. Пруст М. По направлению к Свану. – М., 1992.
11. Флоренский П. Столп и утверждение истины. – М., 1990.
12. Лихачев Д.С. Литература – реальность – литература: Статьи. – Л., 1984.
13. Жане П. Эволюция памяти и понятие времени // <http://pierrejanet.narod.ru/memory.html>
14. Болдырева Е. Автобиографический метатекст И.А.Бунина в контексте русского и западноевропейского модернизма: Автореф. дис. ... доктора филол. наук: 10.01.01. – Ярославль, 2007.